

"ОБЫЧНЫЕ ПАЦАНЫ": УЛИЧНЫЕ ПОДРОСТКОВО-МОЛОДЕЖНЫЕ КОМПАНИИ МОСКВЫ

Уличные дворовые компании представляют собой неотъемлемую часть городской жизни. Взросление в дворовой компании кажется естественной частью социализации, и, наверное, мало найдется молодых людей и девушек, которые в дошкольные и школьные годы не играли с друзьями во дворе и не отправлялись вместе погулять после уроков. Однако улица всегда таит в себе опасности, и дворовая среда может оказаться местом, где устои "большого общества" не просто не воспроизводятся, а, напротив, подрываются. Так происходит, например, когда на уличной сцене возникает фигура *гопника*. Гопник в современном молодежном фольклоре – это подросток или молодой человек, как правило, член дворовой команды, всегда готовый к насилию, нападающий на своих сверстников, чтобы побить их или отнять деньги или мобильный телефон. Считается, что гопники могут быть связаны с организованной преступностью, но главное, что их отличает, – ненависть к тем, кто носит другую одежду, слушает другую музыку, ко всем, кто не является частью дикой отсталой массы. На многочисленных интернет-сайтах, посвященных гопникам, они изображаются как косные и невежественные личности, не желающие следовать нормам цивилизованной городской жизни (*Омельченко 2006а, 2006б*). Гопники не умеют одеваться, не знают, как себя вести, они сбиваются в стаи и нападают на "нормальных" подростков, если те попадают им на пути. Их жизненные горизонты ограничены пространством двора и улицы.

Для "цивилизованной" городской молодежи гопники – объект эстетического и этического осуждения. Они – девианты, своим видом и поведением подрывающие основы городской жизни, строящейся вокруг ценностей гетерогенности, открытости и терпимости. Кроме того, в изображении гопников почти всегда присутствуют классовые коннотации. Это представители низших слоев, не имеющие культурной компетентности, чтобы вписаться в жизнь большого города и в молодежную субкультурную среду. Однако здесь мы подходим к очень важному обстоятельству. Молодые люди, которые, казалось бы, по всем параметрам подходят под определение "гопники", отнюдь не считают себя ни девиантами, ни деклассированными элементами, лишенными ресурсов, которые позволили бы им вписаться в городское пространство. Часто они даже не знают о существовании термина "гопник" и не используют его в качестве коллективного самоопределения. Напротив, они называют себя "нормальными" или "обычными" пацанами.

Провозглашая свою "нормальность" и "обычность", пацаны, как представляется, не имеют в виду, что они являются отсталыми и отстраненными от инновационных устремлений "продвинутой" молодежи (см. *Омельченко и др. 2004* о дихотомии между "обычными" и "продвинутыми" молодежными стратегиями). По сути их "нормальность" означает воспроизводство ими неких ключевых ценностей социума, соответствие тому, каким должен быть мужчина их возрастной категории. В пространстве двора пацаны воспроизводят культуру гегемонной маскулинности (*Connell 1987*), защиты индивидуальной и коллективной чести, успешного овладения практиками насилия. Это и есть нормативное поведение для молодого человека (причем не только в дворовой среде, но и в большом обществе – см., напр.: *Костерина 2006*). При этом они осваивают и новые субкультурные формы. Будучи членами дворовых команд, многие

из них принадлежат к другим группам – скажем, рэперов или футбольных фанатов. Однако территориальная локализация является ключевой для их идентичности.

На территории двора, улицы и микрорайона они поддерживают наиболее значимое для них социальное взаимодействие. Здесь проходят их будни и праздники, здесь, в "моральных схватках" и "состязаниях характеров", строятся их репутации (*Гоффман* 1967: 239–240). На улице происходят битвы с "врагами", организуются ритуализованные поединки ("стрелки"). Тут подростки познают ключевые смыслы коллективной жизни, тут они превращаются в настоящих мужчин. Далеко не все дворовые группы применяют практики насилия для построения коллективной идентичности. Лишь для части из них (для тех, кого и относят, как правило, к "гопникам") защита домашней территории и противостояние тем, кто ее "загрязняет" и кто на нее "покушается", а стало быть, и насилие, является основой того, что определяет их как группу. Такие группы я и рассматриваю в данной статье.

Эмпирическая база статьи – данные исследования практик молодежного насилия, проведенного в Москве в 2006 г. В рамках исследования было проведено шесть фокус-групп и 23 углубленных интервью с молодыми людьми (юношами и девушками) – членами различных московских территориальных групп в возрасте от 12 до 17 лет. Помимо автора статьи в исследовании принимал активное участие Рустем Максудов.

Социальное происхождение членов уличных компаний. Почему для части молодых людей местная территория становится центром жизненного мира? И почему они столь сосредоточены на ее защите? Ответ на этот вопрос следует искать, как представляется, в уходящих в древность традициях "уличной" юношеской социализации и в особом социальном и классовом составе "гопнических" компаний.

Известно, что воинственные практики, связанные с защитой местного пространства, были важной частью деревенской жизни. Межгрупповые и межобщинные столкновения подростков и молодых людей, праздничные драки являлись частью системы традиционной коммуникации и социализации в деревнях. Драки служили цели выяснения статуса различных групп, определения границ территориальных формирований (*Морозов, Слепцова* 2004). В деревенских драках молодежи предбрачного возраста передавались культурные нормы применения насилия и права на его осуществление. Ритуалы, связанные с насилием, утверждали его легитимность как инструмента защиты прокреативной сферы, женщин и детей (*Щепанская* 2001). Мы увидим позднее, что и в территориальных компаниях культурные нормы, относящиеся к насилию, утверждают неприкосновенность "домашней" сферы.

Современная городская молодежь может быть лишь на одно-два поколения удалена от деревенских традиций. И некоторые из практик дворовых групп могут восходить непосредственно к архаичным ритуалам, передававшимся от поколения к поколению. Сами эти группы в новых городских кварталах могли формироваться для самозащиты от деревенских парней. Есть свидетельства, например, что известная казанская группировка "Тяп-Ляп" возникла в 1960-е годы как оборонительное объединение городских подростков, получивших вместе с родителями квартиры в новостройках района Теплоконтроль, в ответ на нападения со стороны деревенских соседей (*Агеева* 1991). Да и сейчас деревенские традиции во многом живы. В наших интервью с городскими подростками те рассказывали, что, оказываясь за пределами города (выезжая на дачу, в деревню к родственникам или просто отправляясь компанией на шашлыки), они нередко сталкиваются с местной молодежью, полной решимости защитить свою территорию от пришельцев.

Казалось бы, историческое наследие, связанное с ритуалами насилия, могло бы отойти в прошлое под влиянием модернизации и вовлечения молодежи в статусные механизмы большого общества, ориентации на социальный успех через систему образования и занятости. Этого, однако, не происходит. Проблема в том, что для части мо-

лодежи данные статусные механизмы либо не работают вовсе, либо работают лишь частично (ср.: *Horowitz, Schwartz* 1974).

Хотя выборка в нашем исследовании была небольшой, в случае членов дворовых компаний, в которых применялись практики насилия, мы явно имели дело со вполне определенным социальноклассовым и семейным происхождением. Эти молодые люди в основном происходили из малообеспеченных семей. Более двух третей были из неполных семей. Несколько человек жили с бабушками (поскольку родителей лишили родительских прав). Многие часто не ночевали дома, оставаясь у друзей или ночуя на чердаках или в подвалах домов. Если родительский дом был нередко местом неустойчивости, конфликтов и насилия, то школа и подавно не воспринималась подростками как место, где они хотели бы находиться и чьему нормативному строю они готовы подчиняться. Многим учеба давалась с трудом. В отличие от своих сверстников, "домашних" детей, происходящих из более благополучной социально-экономической среды и из более образованных семей, они воспринимали школу как место, к которому не могли и не хотели приспособиться и где изначально не могли преуспеть (по крайней мере, в соответствии с системой официальных ценностей). Напротив, в дворовых компаниях, среди таких же, как они, пацанов, молодые люди могли активно самоутверждаться.

При этом следует подчеркнуть, что, вопреки распространенным представлениям, данное самоутверждение происходило не с помощью бессмысленного насилия или корыстных преступлений. Насилие, как я пытаюсь показать далее в статье, не было для участников бессмысленным. Что касается корыстных преступлений, то хотя такие преступления совершались, но далеко не всеми членами компаний, а средства, добытые преступным путем, шли в основном на поддержание деятельности самой компании – покупку пива, еды, сигарет, походы в залы игровых автоматов, коллективные поездки за город и т.д. Они могли угнать машину, чтобы покататься на ней, а потом бросить.

Главным же образом самоутверждение пацанов происходило за счет конструирования себя как хозяев территории, героических защитников ценностей мужского братства, чести, готовности пожертвовать собой ради общего дела. Но верно и то (и об этом пойдет речь в этой статье), что все эти казались бы достойные принципы неминуемо приводили к состоянию постоянной оппозиции к иному, чужому, к вражде и агрессии.

Улица как домашнее пространство. Для молодых людей, проводящих значительную часть своей жизни в уличных компаниях, территория становится основным "домашним" пространством, в котором строятся самые значимые социальные связи, конструируется идентичность. Будучи вытесненными (или вытесняя себя) из институтов семьи и школы, где правят взрослые, пацаны колонизируют городское пространство. Здесь они создают свои сообщества (небольшие группы сверстников и более обширные сетевые структуры численностью до 15–20 человек). В отличие от криминальных группировок, тут нет четкой иерархии (хотя могут быть свои неформальные лидеры), нет ритуалов инициации и выхода из группы, нет требования принимать участие во всех коллективных действиях. В состав некоторых групп входят девушки (хотя они не принимают участия во многих ритуалах, связанных с насилием).

В интервью и фокус-группах молодые люди рассказывали про свой двор и улицу как пространство, где они чувствуют себя в безопасности, где никто не может их безнаказанно обидеть. Если кто-либо, старше или сильнее, решит напасть на них, они всегда смогут позвать друзей, обзвонить их по мобильным телефонам, и те придут на помощь. Поэтому чем больше людей человек знает, тем лучше. Даже если друзей не окажется рядом, можно попытаться договориться с "врагами" и отложить конфронтацию, заменив ее будущей коллективной "стрелкой" (об этом см. ниже).

В то время как домашнему пространству придается значение безопасности, тому, что находится за его пределами, присваивается значение опасности. Вот фрагменты из интервью и фокус-групп: *"В чужих районах может случиться все, что угодно". "Я знаю районы, куда лучше не ходить. Лучше доехать на метро, а потом обойти. Тебя могут спросить, из какого ты района, а могут и нет, просто ударят по голове и все. И ты потом можешь до утра проваляться"*. Для того чтобы чувствовать себя в большей безопасности на чужой территории, важно понимать картографию насилия, знать его законы, иметь возможность мобилизовать поддержку.

Вместе с тем и домашнее пространство необходимо ограждать от посягательств. Внешний мир всегда готов внедриться в святая святых, разрушить его или загрязнить его чистоту.

Кодекс чести. Пацаны должны быть готовы защитить себя и отразить нападение врагов. Лучше всего, конечно, чтобы на домашней территории никто и не помышлял о том, чтобы на них напасть. Хорошо бы, чтобы и на вражеской территории возможные агрессоры принимали во внимание вероятность коллективного возмездия за нападение. Поэтому столь важно для пацанов создать коллективный социальный порядок, своего рода территориальный правящий режим, с которым считались бы возможные обидчики. Многие из практик и норм пацанов подчинены, как представляется, созданию такого режима.

В интервью и фокус-группах молодые люди, проживающие в разных районах Москвы, воспроизводили очень сходные нормативные принципы, указывающие на наличие единого "кодекса чести". Этот кодекс, конечно же, неписанный и не существует в готовом виде. Он всегда излагается отрывочно, по частям, на него ссылаются в связи с определенными ситуациями, в которых действовали те или иные моральные правила или запреты, и его организующие принципы должны выводиться самим исследователем. Как формируется этот кодекс? Иногда его связывают с криминальными понятиями, с правилами, сформированными в тюремной субкультуре (напр., см.: *Костерина 2006*). Действительно, многие из понятий криминальной культуры воспроизводятся членами дворовых команд. Отмечалось уже и то, что кодекс может восходить к традиционным нормам юношеской насильственной маскулинности, воплощенным в ритуалах деревенских драк. Но при этом, хотя правила поведения пацанов действительно могут формироваться под влиянием как криминальных, так и деревенских традиций, пацаны адаптируют их к условиям своего непосредственного существования на улице. Моральные императивы членов дворовых компаний следует рассматривать как серию инструкций, направленных на единое восприятие, интерпретацию и воспроизводство социального порядка, создаваемого в уличной городской среде (здесь я отталкиваюсь от методологии известной работы американского этнографа Лоренса Д. Видера, описавшего "кодекс заключенного" в американском исправительном учреждении – *Wieder 1974*).

Этот порядок требует соблюдения ряда предписаний. Молодые люди должны выработать характер и закалить его как в "игровых" ситуациях внутри своего сообщества, так и в битвах с врагами. Они должны поддерживать уличное братство, уметь навязать другим фигурантам уличного пространства свою коллективную волю, регулировать осуществление насилия в своей среде и по отношению к чужим, ограждать и охранять домашнее пространство, включая тех, кто принадлежит к прокреативной сфере (матерей и детей).

Выработка характера. Пацаны воспринимают домашнее пространство как пространство борьбы. Молодые люди должны быть готовы отразить нападение. Ощущая себя в мире постоянного риска, они проявляют качества, которые требуют быстрой реакции, смекалки, готовности к любому повороту событий. Как показал Э. Гоффман, для того чтобы существовать в условиях риска, людям необходимо воспитывать характер. Они должны учиться демонстрировать храбрость, азарт, надежность, само-

контроль, достоинство, а также "уверенное поведение на сцене (способность выдерживать опасности и использовать возможности появления перед большими аудиториями без того, чтобы выглядеть растерянным, смущенным, напряженным или испуганным)" (Goffman 1967: 226). Исследователь связывал все эти качества с культом маскулинности (Ibid.: 209). Он отмечал, что люди, проводящие значительную часть жизни в обстоятельствах, которые могут обернуться самым неожиданным образом, когда человеческая жизнь и благополучие висят на волоске, "часто держатся как уважающие себя мужчины, которые не боятся все поставить на карту. При каждой встрече (как они утверждают) они готовы подвергнуть опасности свое благоденствие и репутацию, превращая встречу в конфронтацию" (Ibid.: 182).

Действительно, о необходимости выработки характера заявляли многие из опрошенных участников дворовых компаний. Вот некоторые из высказываний:

"Пацан всегда отвечает за свои слова. Если он что-то пообещал сделать, он сделает".
 "Пацан достигает своих целей. Он может делать все, что он хочет. Он выпутается из любой ситуации".
 "Пацан должен уметь драться. Надо не бояться, что у тебя личико будет грязное или побитое, то есть люди, которые в школе учатся, больше всего заняты как бы полезными делами. Ну, не то, что полезными... ну, образованием там занимаются, в кружки ходят... им главное, чтоб – ой, там царапинка, ой, порезик... Безразлично тебе должно быть".

Поддержание уличного братства и защита домашней сферы. Следующий императив, как отмечалось, – поддержание уличного братства. На своей территории пацаны выступают как приверженцы исконных ценностей мужской дружбы, верности своему двору, своей улице, готовности защитить попавших в беду ровесников. В интервью и фокус-группах участники указывали на следующие императивы: *"У пацана всегда есть друзья на территории, на которой он живет"*; *"У него обязательно должна быть компания"*; *"Пацан не может убежать, когда его друзья в беде. Он должен бежать на помощь друзьям, если он видит, что они в беде. Если он делает вид, что ничего не замечает, то он не пацан"*; *"Пацан не обманывает, не сдает своих. Он не сотрудничает с милицией"*.

Хотя часть групп имеет неформальных лидеров, ряд норм указывает на эгалитарные принципы отношений в компании. *"Нельзя друг друга унижать, даже если ты старше, младше"*. *«Если ты можешь сам что-то сделать, ты не должен мелкого просить. То есть лежит пачка сигарет, этот сидит вон там, сказать ему: "Иди сюда, дай сигареты". Не, это не то, что нельзя. Если кто-то старший увидит, больно будет. Ты тоже должен уважать честь других и достоинство»*.

Хотя члены группы могут иногда подражаться между собой (при этом подчеркивалось, что это для них только игра и после драки они всегда мирятся), они должны стараться не задеть достоинство друг друга. В группе им следует "отвечать за базар". Как сказал 14-летний Андрей, "бывает, не следишь за словами, а некоторые люди очень чувствительны к словам. Просто ради прикола сказал что-нибудь, а он уже понял все-речь и пошел тебя бить". И наконец, пацаны выступают в качестве защитников домашней сферы:

"Нельзя трогать мужчину, если он идет с девушкой. Даже если он будет ругать местных пацанов, это не разрешается. Он получит свое наказание, когда будет возвращаться один";
 "Нельзя ударить девушку или отнять у нее мобильный телефон". Запрещено пацанам бить "мелких", детей младше 12–14 лет. "Если вы видите, что он может драться, тогда можно что-то сделать. Это более интересно. А если он маленький, ты его ударил, он упал и всё".

Пацан должен любить своих родителей, но особенно мать. *«Если я говорю со своими друзьями и кто-то ругает свою мать. Я ему скажу: "Ты что? Мать – это святое"»*. *"Пацан не должен оставлять мать. Если он может сказать, что ему не нужна мать, это не настоящий пацан. Отец – это другое. Отец может наказывать сы-*

на, а мать... Если ты ее не уважаешь, ей трудно что-то сделать. Если пацан кого-то развел (отнял что-то мошенническим путем) или украл деньги, он должен купить что-то для своей матери".

Существование морального кодекса не значит, что его нормы не нарушаются. Однако их нарушение, хотя и не приводит к серьезным санкциям (за исключением случаев доноса на своих или оставления товарищей в беде), порицается. Побить "мелкого" – это "беспредел", и пацаны не будут гордиться такими подвигами. Точно так же избивание девочек, хотя и может случиться, не поощряется (за исключением собственных девушек, на которых у пацанов могут быть особые права).

Ботаники и лохи. Конструкция группы, олицетворяющей уличный социальный и моральный порядок, предполагает наличие тех, кто входит в нее не может, требует определения и виктимизации тех, кто к группе не принадлежит. Как отмечает философ У. Хамблет, «"упорядоченные" миры являются метафизически прозорливыми мирами, которые питаются маргинальными, другими, отчужденными и не-принадлежащими. Системы порядка не только подавляют и регулируют насилие; они сами его включают и представляют. Механизмы контроля и порядка и организации не только определяют принадлежность и отделяют ее от маргинальности; они производят чужих через отчуждающие определения... Так не-принадлежащие обслуживают работу по созданию идентичности системы при том, что парадоксальным образом они служат превратной цели утверждения как "правильных" актов насилия, которым они подвергаются» (Омельченко и др. 2004: 34). Такой питательной средой для построения идентичности становятся "неуличные" молодые люди, так называемые ботаники и лохи.

Ботаники – это молодые люди, которые предпочитают миру улицы, с его опасностями, тревогами и радостями настоящей жизни, унылый и предсказуемый мир семьи и школы. Ботаники – это слабые, униженные, маргинальные существа по отношению к миру своих сверстников. Это маменькины сынки, спасающиеся от драм коллективного существования в скучном домашнем и школьном мире. В нем они ищут защиту, с ним связывают свое будущее. Но в этом мире правят взрослые, и поэтому ботаники не принадлежат сами себе. Они – объекты доминирования, "колонизированные" взрослыми.

Отдаляясь от интересов своих уличных сверстников, не зная тех, кого надо знать, чтобы не попасть в беду, за дверями дома они оказываются в чужой и враждебной среде. Они не понимают, как вести себя в этом сложном и коварном пространстве, какие внутренние и внешние ресурсы следует мобилизовать в случае неожиданного нападения. Они не умеют правильно ответить на провокацию, не готовы дать немедленный отпор или назвать имена возможных союзников и защитников. У них могут легко отобрать часы, деньги или мобильный телефон, и им будет не к кому обратиться за помощью. Обращаясь же к родителям или в милицию, они еще дальше отделяют себя от мира, где их ровесники сами вершат справедливость.

В отличие от представителей тех или иных молодежных субкультур или "нерусских", воспринимаемых в качестве врагов, ботаники находятся на пересечении категорий свой–чужой. Они не относятся к безусловным врагам, поскольку так же, как и пацаны, живут в тех же микрорайонах и учатся в тех же школах. Драться с ними не имеет смысла, поскольку они не являются достойными противниками, и победа над ними не принесет пацану никаких очков.

Ботаник априори ниже пацана. Несамостоятельность, желание избежать борьбы за свое имя, за мужскую честь делают ботаника неспособным участвовать в пацановском братстве и защищать свой двор. Ботаники дезертируют с поля брани и недостойны называться мужчинами. В рассказах о ботаниках поражает карикатурность и архаичность образа – символами принадлежности к этой касте являются, например, круглые очки, портфель, а не школьный рюкзак – в целом предметы, которые уже редко встретишь у современной молодежи.

Вот несколько фрагментов из интервью и фокус-групп, участникам которых предлагалось определить, кто такие ботаники.

- Они не такие, как остальные. А большинство такие, как мы.
- Это те, кто делает уроки и учится на пятерки. Не гуляют, сидят дома, все время за уроками, за компьютером.
- Они говорят: "Мама мне не разрешает. Мама мне сказала в 9 часов домой. Мама сказала не курить".
- Ботаники – они все в круглых очках ходят.
- У них портфели, знаете, как у первоклассников, штаны прямые, свитер какой-нибудь такой и идут с книжкой.

Как уже упоминалось, из-за своего домашнего образа жизни ботаники не обладают уличной компетентностью и тем самым подвергают себя повышенному риску. Отсутствие компетентности проявляется в презентации тела. Ботаник ведет себя как объект доминирования. Он не уверен в себе; вместо того чтобы мгновенно оценить ситуацию и показать свою готовность дать отпор, он пытается избежать конфронтации.

Приведем отрывок из интервью с 15-летним Михаилом:

- СобираТЕЛЬ:* Что надо делать, чтобы не быть ботаником?
- Нормальный образ жизни вести. Не чмориться, как некоторые (не быть слабаком. – С.С.). Плюют в него, а он не может ничего сделать. Надо что-то сделать хотя бы, ударить, тоже плюнуть.
- СобираТЕЛЬ:* А как ты узнал, что надо сделать?
- Первый раз, когда в меня плюнули, я сразу по голове дал. Надо не бояться.

А вот отрывок из фокус-группы:

- СобираТЕЛЬ:* Как вы определяете, кто такой ботаник?
- Да он неуверенный такой.
 - Или то же самое, спрашиваешь, подходишь, сколько времени. А у самого часы на руке или телефон в кармане. А он говорит, что не знает, и дальше идет.
- СобираТЕЛЬ:* Вместо того, чтобы сказать "А посмотри на свои", да?
- Да.
 - Некоторые говорят.
 - Просто по нему сразу видно. Если у него что-нибудь спросишь, то он отвечает, как маленький: "А, что, чего?". Он должен четко и ясно отвечать на вопрос, не тормозить. Тогда понятно, что просто так ты с него ничего не возьмешь. Где сядешь, там и слезешь. Если человек начинает мяться, то это сразу уже понятно, что всё.

Можно было бы сказать, что ботаник – это молодой человек, лишенный признаков гегемонной маскулинности (физической силы, решительности, готовности дать отпор посягательствам). Однако не только молодые люди, но и девушки – члены уличных компаний, говорили о ботаниках. В число ботаников включались и девушки, не обладающие уличной компетентностью и не знающие, как вести себя в группе сверстников. Вот фрагмент из фокус-группы с девочками – членами смешанных уличных компаний:

- И девочки бывают ботаниками. У нас в школе как раз такая. Она в круглых очках, с школьным ранцем, с которым с первого класса до сих пор, до девятого класса с ним ходит.
- Вот когда, допустим, в коллективе, ты должна показывать себя сильной. Или сильная, или будешь ботаником.

Девушки-ботаники тоже уклоняются от того, что Гоффман называл "состоянием характеров". Однако, поскольку культурные коды позволяют им не участвовать в защите территории (а, напротив, предполагают, что их будут защищать мужчины), главная претензия, которая к ним предъявляется, – отсутствие должной презентации тела (часто – несоответствие молодежной моде) и маргинальность по отношению к подростковым компаниям.

Помимо ботаников на улице также есть *лохи* – люди, не принадлежащие к уличному миру и являющиеся потенциальными жертвами. Как и многие понятия в дворовых компаниях, это пришло из воровского мира. Этимология этого слова, по мнению известного исследователя сообщества воров в законе В. Чалидзе, идет от обозначения крестьянина, мужика, существа низшего по отношению к преступной касте (Чалидзе 1977). Часто категории ботаника и лоха совпадают, но если ботаники – это, как правило, подростки и молодые люди, то лохом может быть и взрослый. Кроме того, если лох однозначно является чужим и, стало быть, подходящим объектом виктимизации, то ботаник все же может идентифицироваться как член домашнего пространства и поэтому избежать виктимизации.

Уличная виктимизация. Члены территориальных группировок конструируют себя в качестве хозяев улицы, создавая дискурс, на основании которого настоящие пацаны владеют местным городским пространством, а ботаники или лохи находятся как бы в их безоговорочном распоряжении, зависят от их настроения и прихотей. Это позволяет поддерживать на улице такие властные отношения, при которых необходимость каждый раз осуществлять прямое насилие отпадает. Как сказал один из участников фокус-группы, *"пацан не должен драться во всех случаях, он должен уметь тебя поставить на место просто разговором. Люди верят тому, что говорит пацан, и они дают ему то, что он просит"*.

Успешной самопрезентации в качестве хозяина уличного пространства (то, что Волков называет "перформативными практиками" насилия – Волков 2005) достаточно для того, чтобы держать ботаников и лохов в страхе или воспроизводить в них ощущение неполноценности (подшучивая или издеваясь над ними и держа их тем самым "в тонусе"), либо получать материальные блага – деньги, велосипеды, часы, мобильные телефоны. Последнее называется "разводом". Считается, что настоящий пацан должен обладать навыками "развода", чтобы получить то, чего он хочет с помощью обмана и убеждения. "Развод" требует лингвистических умений (надо постараться "запудрить мозги"), а также способности морально подавить жертву (подкрепляемой при необходимости ссылками на возможность санкций при непослушании).

Приведем фрагмент беседы с молодыми людьми в возрасте 13–15 лет:

– Когда развод, человеку пудрят мозги так, что он уже не думает ни о чем.

– Есть такие люди, которые поговорят пять минут с человеком, и он им отдаст все, что угодно.

Собиратель: Ну, вот расскажи, чем он давит на него, почему он отдает?

– Ну, психологически. Я ему скажу: "Дай мне денег, я тебе отдам завтра". Он мне даст денег, а завтра я его пошлю. Он станет терпилой (пассивной жертвой и потенциально объектом дальнейших вымогательских. – С.С.).

– Когда сидишь с ним, разговариваешь, можно судить по его реакции, что он уже нервничает. Когда, например, на телефон разводишь. Я сижу с ним, понимаю, что он уже нервничает. И я говорю: "Ну, ладно, отдай ты мне этот телефон. Я тебе его через полчаса, через час принесу". Он уже никуда не может деваться, а я ему еще точку такую ставлю критическую, что уже все. И он мне отдает этот телефон. Я беру, ухожу с ним и всё.

– Видишь, парень сидит, пиво пьет. Хоть у тебя и будет сигарета, подойти, сигарету стрелнуть. Такой вид сделать, что так и так, деньги срочно нужны, пацаны кинули. Телефон потерял. Давай твой продадим, а деньги завтра вернем. Просто пойми, пацан, дело такое. Вот так вот развел его минут в двадцать, он тебе телефон отдает. Ты ему свой номер оставляешь якобы домашний.

Как убедительно показали А. Салагаев и А. Шашкин, в основе "развода" лежит конструирование подчиненной маскулинности жертвы. В начале взаимодействия пацан оценивает, является ли собеседник "лохом" или же он может постоять за себя и соответствует требованиям, предъявляемым к "настоящим пацанам". Если он убеждается, что это не так, он строит коммуникацию так, чтобы и жертва приняла свою под-

чиненную маскулинность. «Диалог представляет собой определенную воронку, когда сначала находится один признак "лоха", а потом вокруг него конструируется целостный образ. В результате интернализации жертвой своей роли она под угрозой физической расправы неизбежно попадает в материальную зависимость от члена группировки» (Салагаев, Шашкин 2002: 158).

Помогают навыки "развода" и для того, чтобы избежать неприятностей с милицией – поскольку жертва "добровольно" отдает свои ценности пацану.

Враги. Молодые люди из других районов, попадающие на домашнюю территорию, – это, пользуясь выражением Мэри Дуглас, "материя, находящаяся вне своего места" (Douglas 1966: 36). Поэтому они являются законной жертвой – на них можно напасть, избить, отобрать мобильник, часы или деньги.

Они, как представители чуждых общностей, – враги. Если ботаник не есть враг, – он скорее дезертир с поля боя, – то неформал (например, рэппер или панк), пацан с другой территории, представитель чужеродной этнической группы ("черный") – также достойные противники. Врагами являются и гомосексуалисты – мужчины, предавшие идеи гегемонной маскулинности.

В рассказах об этих врагах пацаны часто указывают на то, что те засоряют территорию (чужие ребята, как считается, мусорят или ведут себя каким-то другим неподобающим образом). "Черные" также ассоциируются с мусором, с некультурным поведением (они же, как считается, ввозят в Россию наркотики). Представители иных молодежных субкультур могут осуждаться за нарушение гендерной чистоты (панки, например, неопрятны и часто не умеют драться, а рэпперы надевают одежду, которую не должен одевать уважающий себя мужчина). Однако насилие в отношении врагов далеко не всегда оправдывается какими-либо моральными принципами. Часто достаточно того, что они просто принадлежат к чужой, инородной категории. То, что с ними можно и нужно воевать, – просто в порядке вещей. Как сказал один из участников фокус-группы, *"если мы идем и видим азера, мы его, конечно, побьем. Но если азер не попадает, а идет незнакомый русский, мы его тоже замочим"*.

Поскольку построение уличной идентичности требует наличия врагов, то такие враги находятся из наличных территориальных, национальных и культурных общностей, к которым сами пацаны не принадлежат. Иногда достаточно минимальных маркеров уличного статуса для того, чтобы мобилизовать агрессию. Таким обозначением может служить банка пива:

«Ну, вот Орёл, например, он Первый микрорайон держит. Он не ко всем лезет. Если идет какой-нибудь с портфельчиком из школы, он не полезет к нему. А идет если незнакомый с пивом, чистенький. Он ему говорит: "Хочешь, я тебя попачкаю?". Ну, дальше начинается».

Битвы с врагами служат закалке характера и укреплению сплоченности группы. Иногда пацаны предпринимают поездки в поисках приключений. Вся группа может выпить и поехать на ближайшей электричке, чтобы устроить драку (либо в ней, либо в пригородных районах). При этом они рассчитывают на то, что возмездие не последует – вряд ли люди из поезда или из пригорода узнают, откуда их обидчики. Насилие в этих случаях может быть экстремальным, хотя никто не ставит своей целью убить жертву, вполне обычным является избивание жертвы ногами, прыжки и танцы на теле поверженного врага. Но и здесь жертв выбирают в соответствии с уже описанными категориями. Пацаны с удовольствием нападут на компанию неформалов, но нападение на незащитных ботаников не приветствуется.

Собиратель: А если едет компания ботаников, на них нападают?

– А чего на них нападать? Ну, представьте, едет человек и читает газету. И что?

Собиратель: То есть, они не вызывают желания их побить, да?

– Интерес есть к тому, кто может дать сдачи.

Становление пацана. Ритуалы, связанные с насилием, очень часто описываются их участниками в терминах иррационального драйва, бессознательной тяги к кровавым "приключениям". Поведение может быть направлено на получение желаемой физиологической реакции ("нам захотелось адреналина и мы поехали драться"). Конечно, насилие для участников (но не жертв) драки может быть вполне связано и с приятным возбуждением, и с мощным приливом энергии. Тем не менее существуют важные обстоятельства, указывающие на то, что удовольствие от драки, восприятие ее как радостного события, является также и социально конструируемым.

В ходе уличной социализации пацаны учатся интерпретировать свои переживания от драк и столкновений как радостные. Подобным образом в субкультуре любителей марихуаны, описанных Говардом Беккером, существовало обучение начинающих курильщиков интерпретации своих ощущений как приятных (Becker 1963). Пацаны учатся воспринимать драку как праздник и в процессе общения, и в результате определенного инструктирования.

Приведем, например, один фрагмент из фокус-группы:

Собиратель: А от чего это зависит, что некоторые ребята не любят драться, а некоторые любят?

– Я думаю, что это зависит, в принципе, от того, в какой компании.

– И от воспитания.

– Ну, вот у нас компания. И есть один человек, который не любит драться. Мы ему скажем, ну что ты, пойдем, все нормально будет. Он в первый раз пробует и видит, что мы сильнее. Мы говорили ему, что адреналин. Радуется победе. И уже потом автоматически начинает драться.

– У меня брат домой пришел после драки. Я еще тогда поменьше был. Весь в крови, в руках держал кусок щита. Такой радостный, весь в крови, зубов нет, пришел домой.

Рассказы о драках опровергают представления о последних как о бесконтрольной тяге к насилию. В драке всегда есть расчет. Как правило, пацаны, отправляясь на драку, не берут с собой оружия, чтобы не было проблем с милицией. Не едут они и в центр Москвы, поскольку там более вероятно быть побитым "людьми, за которыми есть народ".

Когнитивная карта пацана включает определенные сцены, на которых драка опасна: *"На перроне страшно драться, потому что могут сбросить вниз. В метро, в автобусах тоже страшно. В автобусах очень, потому что там некуда бежать. Бывает такое, что кого-нибудь в угол закроют и мсят"*.

"Стрелки". Эмоциональные и идеологические значения насилия подтверждаются через участие в ритуалах коллективной драки. К таким ритуалам относятся, например, "стрелки" – коллективные поединки, на которых меряются силой разные уличные компании.

По мнению Мориса Блока (Bloch 1986; 1992), идеологическим ядром ритуала является "логика доминирования" внутри социальной структуры. Ритуалы связаны с "идиомой захвата", с агрессией против тех, кто находится извне, что обеспечивает сплоченность и единство социальной группы. С помощью ритуала, с одной стороны, создается общий мир, а с другой – подтверждается представление о мире как о дуалистическом, разделенном на своих и чужих.

Помимо мобилизации членов компании ради общего дела и подтверждения превосходства одной компании над другой, стрелка играет еще одну важную роль. Она конвертирует индивидуальный риск в коллективный. Стрелка дает возможность использовать уличный социальный капитал (связи со сверстниками и "нужными людьми") как ресурс насилия.

Когда молодой человек оказывается в ситуации, когда его силы явно неравны силам противника (например, столкнувшись с группой "врагов" на чужой территории), он может попробовать устроить драку в определенном месте и в определенное время.

Тогда следует договориться о количестве бойцов с обеих сторон (оно должно быть примерно равным) и о том, какое оружие будет или не будет применяться. Правда, численный паритет не всегда соблюдается, и бывает, что одна из сторон приводит гораздо больше людей, чем другая. Случаются и "подставы", когда в процессе драки из кустов выскакивают спрятавшиеся там дополнительные бойцы. Вот описание одной несостоявшейся стрелки, данное участником фокус-группы:

"Это как у меня в Марьино. На меня наехали, я говорю, давайте забьем стрелу на Москва-реке, на нашей стороне. Они говорят, давай, сколько? Ну, человек сорок собирайте. Ну, я пошел просто с пацанами, домой когда ехал, несколько пацанов знакомых увидел и говорю, если хотите, приходите. Я своих набрал, кто у меня во дворе тусуются пацаны. Нас было, может быть, тридцать человек. И еще те, кому я говорил, они еще привели тридцать человек. Короче, марьянцы дошли до середины моста, посмотрели, развернулись и пошли обратно. Мы хотели побежать за ними через мост, а потом решили, что лучше не надо".

На некоторых территориях существует своя экономика насилия. Местные бандиты или вышедшие на пенсию воры в законе могут при необходимости поставить пацанам дополнительных бойцов для стрелок или выручить их из каких-то неприятностей. Расплата за это очень часто – ящик пива. Иногда старшие просят пацанов в ответ за поддержку выбить долги из должников или разгромить палатки конкурентов. Хотя часть подростков дрейфует к организованной преступности и сами становятся "силовыми предпринимателями" (Волков 2005), для многих вовлеченность в сетевые структуры насилия ограничивается уличными битвами и стрелками.

* * *

При анализе практик молодежных территориальных насильственных групп необходимо, как представляется, выйти за пределы того, что кажется очевидным – как криминальной направленности этих молодых людей (гонимые как резерв криминалитета), так и их социокультурной отсталости. Для понимания жизненного мира "нормальных пацанов" важно отталкиваться от основ их существования – колонизации ими уличного пространства. Оккупация ими двора и улицы вызывает к жизни определенный моральный кодекс, требует обучения правилам переживания и использования насилия, построения социальных сетей и освоения коллективных ритуалов. Она же ведет к выстраиванию границ группы и определению тех, кто к ней не принадлежит, – врагов, ботаников и лохов. Хотя здесь и мобилизуются нормы гипермаскулинности, но при этом они нацеливают пацанов не просто на агрессию и подавление "других", а на контроль за домашним пространством и регулирование насилия.

Вместе с тем попытки регулировать применение насилия никогда не бывают полностью успешными. Как отмечал Р. Жирар, "неизбежно наступает момент, когда насилие можно обуздать лишь другим насилием. Побеждаем ли мы или нет в наших попытках подавить его, настоящим победителем является само насилие... Насилие – это бушующее пламя, питающееся теми самыми объектами, которые предназначаются для того, чтобы его потушить" (Girard 2005: 32). Ритуализация не способна ввести насилие "в рамки", оно всегда выходит за их пределы. Игры пацанов приводят к тяжелым последствиям как для них самих, так и для окружающих. Часть неминуемо оказывается в местах лишения свободы, часть теряет здоровье и даже жизнь в уличных схватках. Но пока они молоды, здоровы и полны сил, на границах досягаемости современных институтов социального контроля они будут разыгрывать древние сценарии мужских ристалищ, воспроизводя вечные драмы господства и подчинения, чести и позора, страха и радости его преодоления. Участниками этих драм становятся и те, кто имеет несчастье попасться им на пути.

Литература

- Агеева* 1991 – *Агеева Л.В.* Казанский феномен: миф и реальность. Казань, 1991.
- Волков* 2005 – *Волков В.В.* Силовое предпринимательство М., 2005.
- Костерина* 2006 – *Костерина И.В.* Скинхеды и гопники: разные лики агрессивной маскулинности // Конструирование маскулинности на Западе и в России: Межвузовский сб. науч.-метод. матер. Иваново, 2006. С. 21–36.
- Морозов, Слепцова* 2004 – *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX–XX вв.). М., 2004.
- Омельченко и др.* 2004 – *Омельченко Е., Пилкингтон Х. и др.* Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры / Пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. СПб., 2004.
- Омельченко* 2006а – *Омельченко Е.* Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или Как гопники вытесняют неформалов // Сайт "Полит.ру" (www.polit.ru).
- Омельченко* 2006б – *Омельченко Е.* Поп-культурная революция или перестроечный ремейк? Современный контекст молодежного вопроса // Неприкосновенный запас. 2006. № 45 (<http://www.nz-online.ru>).
- Салагаев, Шашкин* 2002 – *Салагаев А.Л., Шашкин А.В.* Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1. С. 151–160.
- Щепанская* 2001 – *Щепанская Т.Б.* Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия / Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков. СПб., 2001. С. 115–177.
- Чалидзе* 1977 – *Чалидзе В.* Уголовная Россия. Нью-Йорк, 1977.
- Becker* 1963 – *Becker H.S.* Outsiders. Studies in the Sociology of Deviance. L., 1963.
- Bloch* 1986 – *Bloch M.* From Blessing to Violence: History and Ideology in the Circumcision Ritual of the Merina at Madagascar. Cambridge, 1986.
- Bloch* 1992 – *Bloch M.* Prey into Hunter: the Politics of Religious Experience. Cambridge, 1992.
- Connell* 1987 – *Connell R.* Gender and Power: Society, the Person, and Sexual Politics. Cambridge, 1987.
- Douglas* 1966 – *Douglas M.* Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. L.; N.Y., 1966.
- Girard* 2005 – *Girard R.* Violence and the Sacred. L.; N.Y., 2005.
- Goffman* 1967 – *Goffman E.* Where the Action Is // Interaction Ritual. Harmondsworth, 1967.
- Hamblet* 2004 – *Hamblet W.C.* The Sacred Monstrous. A Reflection on Violence in Human Communities. Lanham, 2004.
- Horowitz, Schwartz* 1974 – *Horowitz G., Schwartz R.* Honor, Normative Ambiguity and Gang Violence // American Sociological Review. 1974. Vol. 39. № 2. P. 238–251.
- Wieder* 1974 – *Wieder D.L.* Language and Social Reality. The Case of Telling the Convict Code. The Hague, 1974.